

Закончив с ужином, Шэнь Нянь ушёл к себе делать уроки. Гу Чжи поплёлся следом. Шэнь Нянь мельком глянул на него, но ничего не сказал, да и Гу Чжи хранил молчание. Говорить им было особо не о чем: ему просто хотелось побыть рядом, посидеть в одной комнате и молча понаблюдать.

Возможно, Шэнь Нянь слишком долго оставался один, поэтому вторжение чужака в личное пространство, хоть и принесло с собой некое подобие радости, отзывалось невольным отторжением. Мысли путались, он не мог сосредоточиться. Взгляд помимо воли соскальзывал к Гу Чжи, пристроившемуся на краю кровати. Тот ничего не делал — лишь смотрел на него.

Встретившись с ним взглядом, Гу Чжи заискивающе улыбнулся:

— Я тебе мешаю?

— Нет, — коротко отрезал Шэнь Нянь и снова уткнулся в тетрадь.

Однако Гу Чжи это, похоже, только раззадорило. Он спрыгнул с кровати, подошёл ближе и встал у него за плечом. Он впервые видел, как Шэнь Нянь пишет. Почерк у того оказался под стать хозяину — изящный, ровный, без единой лишней черты. Вглядываясь в иероглифы, Гу Чжи тихо спросил:

— Няньнянь, тебе не по себе? Из-за меня?

Шэнь Нянь отложил ручку и повернул голову:

— Гу Чжи, у меня нет твоей удивительной способности приспосабливаться к чему угодно.

— Я заметил, — Гу Чжи усмехнулся. — Внешне ты вроде бы готов принять всё что угодно, а на деле — держишь дистанцию.

— А ты? — парировал Шэнь Нянь. — Ты сам меня полностью принял?

Гу Чжи чуть склонил голову набок с наигранным недоумением:

— Конечно. Разве по мне не видно?

Да, более чем. До их уговора и после — два совершенно разных человека. Но принял ли он его всем сердцем или просто играл роль?

Шэнь Нянь не верил в сказки. Человек, с самого детства лишённый чувства безопасности и любви, болезненно жаждущий быть единственным центром чьей-то вселенной, не способен

проникнуться доверием за одну ночь.

Так не бывает.

А значит, они оба лишь разыгрывали спектакль.

Возможно, их слишком часто бросали. Они без слов пришли к соглашению быть рядом, но никто из них не был готов раскрыть душу.

Гу Чжи начал с внешнего глянца. Он легко демонстрировал дружелюбие и готовность меняться, но вся его доброта походила на наживку, заброшенную опытным рыбаком. Он подкармливал Шэнь Няня по капле, рассчитывая взамен получить стократную отдачу, и лишь убедившись в выгоде, рискнул бы открыться по-настоящему.

Шэнь Нянь ничем от него не отличался. Да, он действительно хотел, чтобы Гу Чжи остался рядом, но платить за это искренностью не желал.

Разница заключалась лишь в одном: притворство Гу Чжи происходило от недоверия, а притворство Шэнь Няня — от сознательного нежелания.

Каждый из них вёл свою игру, пытаясь заставить другого сдаться первым.

Шэнь Нянь ничего не ответил и вернулся к тетрадам. Гу Чжи проявил такт и больше не лез с разговорами: ушёл обратно к кровати и снова уставился на спину Шэнь Няня. О чём он думал, сказать было трудно, но взгляд его оставался пристальным и сосредоточенным.

Комнату окутала тишина, нарушаемая лишь едва слышным шуршанием стержня по бумаге. Это молчание длилось до тех пор, пока внезапный звонок мобильного не разбил его вдребезги.

Звонил Лян Цю. Шэнь Нянь с облегчением схватил трубку и улыбнулся:

— Лян Цю!

Гу Чжи, не сводивший с него глаз, заметил и мгновенную вспышку на лице, и радостный трепет в голосе. Всё это предназначалось другому.

В душе нарастало раздражение. Не то чтобы сильное — в конце концов, формально он уже метил Шэнь Няня как свою территорию, хотя сам же сохранял дистанцию и пока не требовал безусловного владения. Но неужели Шэнь Нянь даже не пытается сдерживаться? Едва ли не вчера обещал принадлежать только ему — а сегодня так открыто улыбается какому-то парню.

Гу Чжи отчётливо ощутил: стоит Шэнь Няню увидеть имя Лян Цю на экране, как весь остальной мир, включая его самого, перестаёт существовать.

Совсем не боится задеть маленького психопата.

Первое время после отъезда Лян Цю звонил чуть ли не каждый день, переживая, как Шэнь Нянь справится один. Но тот при каждом разговоре держался безупречно, натягивая привычную маску полного благополучия. Постепенно Лян Цю захлестнула новая жизнь: учёба, студенческие клубы, новые знакомые, баскетбольные матчи и вечеринки. Ежедневные звонки стали угасать.

Шэнь Нянь несколько раз пытался набрать его сам, но Лян Цю вечно куда-то спешил или был занят. Со временем Шэнь Нянь перестал навязываться. Он панически боялся стать кому-то обузой — даже Лян Цю, с которым они росли бок о бок. Ему оставалось лишь терпеливо ждать. И когда на экране наконец вспыхивал знакомый номер, искренней радости утаить было невозможно.

— Чем занят? Соскучился по мне? — жизнерадостно отозвался Лян Цю.

Шэнь Нянь окинул взглядом разложенные тетради:

— Некогда мне, уроков целая гора.

— Эй, пару месяцев не виделись, а ты уже ласкового слова сказать не можешь? — ухмыльнулся Лян Цю. — Я до сих пор помню, как ты меня в аэропорту братом назвал. Ну-ка, повтори на бис?

Шэнь Нянь тихо усмехнулся, проигнорировав выпад, и перевёл тему:

— А у тебя домашнего задания нет, что ли?

— Ой, не наступай на больную мозоль, — вздохнул тот. — Тебя рядом нет, даже списать не у кого.

— Вот и отлично.

— Сяо Нянь, за такие речи и отгрести недолго, в курсе?

— Какая жалость, — улыбнулся Шэнь Нянь. — Руки-то короткие.

— Дождись Нового года! — наигранно заскрипел зубами Лян Цю. — Приеду на каникулы — первому рёбра насчитаю.

Шэнь Нянь на мгновение замер:

— Ты приедешь на Новый год?

— Конечно! — подтвердил Лян Цю. — Или сам рвани в Шанхай, а? Погуляем, покажу тебе город. Хочешь, билеты куплю?

Шэнь Нянь промолчал. Выждав пару секунд, Лян Цю понимающе цыкнул:

— Ладно-ладно, сам приеду.

У Лян Цю выдался редкий свободный вечер, и он выложил всё накопившееся: и как попал в университетскую сборную по баскетболу, и про свою соседку по парте — с виду милую и кроткую девчонку, которая в споре умывала его на раз-два; и про то, что стряпня тётушки Су ни капли не улучшилась, и о том, как сильно он успел полюбить Шанхай.

Шэнь Нянь говорил мало. По большей части он просто слушал захлёбывающиеся рассказы друга, изредка поддакивая: «Здорово», «Рад за тебя».

Не то чтобы Лян Цю не давал ему вставить слова — просто жизнь Шэнь Няня тянулась всё так же серыми буднями, и рассказывать было решительно не о чем. Да и вдаваться в подробности не хотелось: начнёшь делиться — и Лян Цю тут же раскусит, насколько он одинок. Послушать чужие успехи казалось куда безопаснее.

Они болтали обо всём и ни о чём почти час. Когда корпус телефона уже ощутимо нагрелся, Лян Цю перед прощанием тихо произнёс:

— Сяо Нянь... Как бы мне хотелось, чтобы ты тоже перебрался сюда.

Шэнь Нянь ещё долго сидел неподвижно, сжимая в ладони горячий аппарат. Он не чувствовал обиды из-за того, что в жизни Лян Цю для него остаётся всё меньше места. Напротив, он искренне желал другу счастья.

Но на душе всё равно было паршиво — от осознания, что сам он лишён всякого выбора.

Впрочем, он верил, что и у него всё наладится. Не стоит сравнивать себя с Лян Цю — лучше оглянуться назад. По крайней мере, безумное одиночество отступило: теперь рядом есть Гу Чжи... При мысли о нём Шэнь Нянь вздрогнул. Хотя прежде тот не проявлял к нему открытого собственничества, их нынешнее положение и вчерашний разговор заставляли нервничать.

Он повернулся, но край кровати пустел. Гу Чжи ушёл тихо, незаметно для него.

Посидев немного за столом, Шэнь Нянь вышел из комнаты. Он думал найти Гу Чжи у себя, но дверь в его спальню была распахнута, а внутри — ни души. Выйдя из северного крыла на галерею, он увидел Гу Чжи: тот сидел на низеньком табурете, прислонившись спиной к стене, и всматривался в непроглядную темноту двора.

Ноябрьская ночная прохлада кусалась; уши Гу Чжи заметно покраснели от холода. Глядя на него, Шэнь Нянь узнал в этом силуэте самого себя.

Ещё совсем недавно он точно так же сидел здесь до самого рассвета, не роняя ни слова.

Шаги Шэнь Няня заставили Гу Чжи обернуться. На его лице открыто читалось раздражение. Он явно ждал объяснений. Шэнь Нянь прочёл это в его взгляде, но абсолютно не понимал, за что должен оправдываться. Он же не сделал ничего предрассудительного.

Всего лишь поговорил по телефону.

— Ты чего тут сидишь? — спросил он, не найдя ничего лучше.

Выражение лица Гу Чжи сменилось с глухой досады на разочарование, а после этого вопроса он и вовсе тяжело вздохнул, признавая поражение. Поднявшись с табурета, он тихо произнёс:

— А как ты думаешь, Няньнянь?

Шэнь Нянь промолчал, и Гу Чжи ответил сам:

— Смотрел, как ты кому-то улыбаешься. Слышал, как весело болтаешь. И мне стало паршиво, — он в упор взглянул на Шэнь Няня. — Со мной ты так себя никогда не вёл.

Шэнь Няню это показалось нелепым, и он не сдержал короткого смешка:

— Гу Чжи, мы нормальные отношения-то построить едва успели.

— Вот именно поэтому я и не устраиваю сцен, — улыбнулся Гу Чжи. — Я не тороплю события. Раз уж я даю тебе время переварить всё, что натворил раньше, то и тебе дам время привыкнуть к мысли: отныне в твоём мире останусь только я. За сегодняшний звонок я на тебя не в обиде. Перетоскую сам.

Шэнь Нянь мгновенно серьёзnel:

— Гу Чжи, я не стану вычеркивать друзей ради тебя.

— Но то, что тебе нужно, твой друг дать не в силах, — Гу Чжи сделал шаг вперёд. — Мог бы — ты бы ко мне и на выстрел не подошёл. Ты бы всю жизнь от меня крестился.

Шэнь Нянь слегка нахмурился, а Гу Чжи тихо усмехнулся:

— Няньнянь, нельзя быть таким жадным. Хотеть моего присутствия, но отказываться отдавать то, что нужно мне, — так дело не пойдёт.

Шэнь Нянь промолчал. Гу Чжи взял его за зябкую ладонь, слегка потянул на себя и проговорил почти с капризной нежностью:

— У нас ведь просто нет иного выхода.

Будь у них хоть малейший выбор, они бы никогда не оказались вместе. Приехав сюда, Гу Чжи выбрал Шэнь Чуншаня и растоптал Шэнь Няня. А сам Шэнь Нянь, не потеряй он абсолютно всё и не окажись на грани безумия от тоски, в жизни не впустил бы Гу Чжи в свою судьбу.

Гу Чжи был прав: кроме друг друга, у них никого не осталось.

На следующее утро Гу Чжи снова отправился в дальнюю лавку за завтраком. Когда он вернулся, Шэнь Нянь как раз собирал портфель. Пара учебников лежала на самом краю стола; задев их ремнём, Шэнь Нянь уронил их на пол. Он наклонился, но Гу Чжи опередил его. Подбирая книги, тот случайно заметил выскользнувший из-за обложки листок.

Заявление на выделение места в общежитии.

Гу Чжи уставился на бланк с озадаченным видом.

Шэнь Няню следовало бы сгладить угол — сказать, что это старая бумага и он никуда не собирается. Но слова застряли в горле. Он отчётливо сознавал: переехать в общежитие он действительно хотел.

Во-первых, простить прошлые выкрутасы Гу Чжи за один день невозможно, а резкая смена ролей порождала глухую неловкость. Во-вторых, оставлять без присмотра нарастающее собственничество Гу Чжи казалось опасным. А живи они под одной крышей изо дня в день, эскалация была неизбежна.

Разумеется, запереть Гу Чжи одного в пустом доме — поступать паршиво. Но разве сам Гу Чжи не вытворял вещей куда более мерзких? Пусть их отношения и изменились, Шэнь Нянь оставался обычным человеком: он не мог взять и списать все прошлые обиды со счетов. Между ними стояла глухая стена недоверия, и Гу Чжи отлично это видел.

В подобном положении временная дистанция казалась наилучшим выходом.

Единственное, Шэнь Нянь не хотел снова провоцировать его на вспышку безумия. Если Гу Чжи начнёт слетать с катушек — что ж, придётся отступить.

Шэнь Нянь замер, ожидая неизбежной развязки.

Тень на лице Гу Чжи густела, но ожидаемого взрыва не произошло. Он лишь медленно протянул зажатый в пальцах бланк Шэнь Няню и тихо спросил:

— Няньнянь хочет перебраться в общежитие?

Отсутствие вспышки гнева должно было принести облегчение, но безумие было естественным состоянием Гу Чжи. Его спокойствие пугало куда сильнее — казалось, он уже строит какой-то новый коварный план. Шэнь Нянь не смог разгадать его замысел и спросил напрямую:

— Что ты задумал?

— Какой странный вопрос, Няньнянь, — Гу Чжи мягко улыбнулся. — Сам согласился быть вместе, а теперь сбегаешь в общежитие. И о чём же ты думаешь?

Шэнь Нянь промолчал. Гу Чжи не стал надавливать, заглядывая ему прямо в глаза:

— Хочешь жить там — живи. На выходные-то приедешь?

Шэнь Нянь продолжал хранить молчание, хотя тревога в груди только усиливалась. Гу Чжи не мог уступить так просто.

Словно прочитав его мысли, Гу Чжи неспешно пояснил:

— Ты меня терпеть не мог, да и я натворил немало дряни. Понятно, что сразу привыкнуть к такой жизни тяжело. Я же обещал дать тебе время. Месяц, полгода — я подожду.

Лицо Шэнь Няня оставалось непроницаемым. Поверил тот или нет, Гу Чжи, похоже, мало волновало. Он подошёл ближе, аккуратно уложил поднятые учебники в портфель и снова переспросил:

— Так вернёшься на выходные?

Казалось, только этот ответ имел для него хоть какое-то значение.

Шэнь Нянь устал разгадывать чужие головоломки. Застегнув молнию на сумке, он коротко бросил:

— Вернусь.

— Вот и славно.

Шэнь Нянь взвалил портфель на плечо, но Гу Чжи привычным жестом перехватил его ладонь:

— Няньнянь, поешь со мной, а? Я за этим завтраком через полгорода бегал. У груди грел, он ещё совсем горячий.

Время поджимало, и задержка грозила опозданием на уроки. Оснований соглашаться не было, но, встретив умоляющий взгляд и памятуя о скором отъезде, Шэнь Нянь всё же кивнул.

Гу Чжи тут же расплылся в улыбке. До чего же он мягкосердечный...

За столом царило полное молчание. Гу Чжи не произнёс ни слова и даже ни разу не взглянул на Шэнь Няня, уставившись в одну точку отрешённым взглядом.

Закончив с едой, Шэнь Нянь уже собрался уходить, но, мазнув взглядом по синякам на чужом лице, всё же затормозил:

— Давай повязку сменю.

Гу Чжи мгновенно вскинул голову. В его глазах вспыхнул такой восторг, словно ему подарили нечто невероятно ценное.

Ему действительно хватало самой крошечной капли заботы, чтобы сиять от счастья.

Ссадины на лице Гу Чжи и не думали заживать; за ночь синяки лишь налились сочным багровым цветом. Шэнь Нянь обработал раны и наклеил свежий пластырь. Всё это время Гу Чжи сидел смирно, как и в тот вечер, но настроение его заметно поднялось. Он проводил Шэнь Няня до самых ворот и долго смотрел вслед, пока тот не скрылся за поворотом переулка.

Гу Чжи ещё долго стоял в опустевшем переулке. Глупо отрицать — на душе было тоскливо. Если Шэнь Нянь не хотел оставаться один в холодном пустом доме, то почему Гу Чжи должен

был радоваться этому одиночеству? Он вполне мог вынудить его остаться. Стоило устроить истерику, разыграть приступ безумия — и Шэнь Нянь уступил бы.

Но Гу Чжи понимал: вынужденное согласие ничего не стоит. Между ними всё равно осталась бы невидимая преграда.

«Быть вместе» звучит исцеляюще и тепло, но эти слова — не панацея. Они не способны стереть прошлое и сделать вид, будто ничего не было.

Их союз рождался в грязи, на обломках предательств и боли. Склеить такое за пару дней невозможно — нужно время.

И короткая разлука сейчас могла оказаться куда полезнее насильственного сближения.

Ждать придётся недолго. Шэнь Нянь обязательно вернётся.

И вот тогда у них действительно появится шанс начать всё заново.

Ведь его Няньнянь — и впрямь слишком добрый.

<http://bllate.org/book/20601/2162657>